

DOI: 10.33184/dokbsu-2023.1.9

Свойство эмерджентности как результат модификаций единиц языковой системы

Н. Н. Альбеков

*Чеченский государственный педагогический университет
Россия, Чеченская Республика, 364068 г. Грозный, проспект Х. Исаева, 62.*

*Чеченский государственный университет им. А-Х. Кадырова
Россия, Чеченская Республика, 364024 г. Грозный, улица А. Шерипова, 32.*

Email: alibecus@mail.ru

В статье рассматривается вопрос свойства эмерджентности как результата изменения структурных единиц на разных уровнях языковой системы. Отмечается, что динамические процессы, которые происходят в языковой системе влияют на конструктор языка. Результатом этих процессов становятся изменения или качественный эффект, проявляющийся в свойстве эмерджентности языковой системы в целом. В статье приводятся некоторые примеры, в которых указывается, что языковая система претерпевает изменения только после того, как эти изменения становятся устойчивым атрибутом на уровне системных единиц языка. Динамические изменения, происходящие в языке, прогнозируют не просто обогащение единиц языковой системы, они также влияют на конструктор языка, в результате чего и проявляется свойство эмерджентности языковой системы в целом.

Ключевые слова: языковая система, эмерджентность.

В процессе исследования языковой системы возникают множество вопросов философского характера, в ответ на которых приводятся различные гипотезы учеными лингвистами, а также философами. Вопрос о видах системы является достаточно разработанным и исследованным. В этом контексте необходимо отметить значимый вклад российской научной школы, в частности таких ученых как: М. Н. Петерсон (1946), Р. О. Якобсон (1983), М. М. Гухман (1968), Ю. Д. Апресян (1974), Б. А. Серебренников (1972), А. А. Реформатский (1955), В. Н. Ярцев (1990), Урманцев Ю. А. (1974), Л. В. Щерба (2004), В. М. Солнцев (1973), Г. П. Мельников (1972), В. А. Карпов (1992), Г. С. Зеньков, И. А. Сапожникова (1998), Т. В. Жеребило (2007), Л. Г. Зубкова (2003) и др.

Анализ работ, посвященных природе языковой системе позволяет сделать вывод, что в этом вопросе определились два направления – это рассмотрение языка как материальной и идеальной системы [1, с. 102–108]. Вместе с тем, вопрос принадлежности языка к той или иной системе, на наш взгляд, необходимо оставить открытым. Подчинение

феноменов бытия и сознания определенным или авторитарным догмам приводит к искажению научных истин. Соответственно, научный подход к выше обозначенным вопросам должен быть вне зависимости от общественной идеологии.

Необходимо отметить, что в процессе исследования языковой системы с позиции свойства эмерджентности одним из главных является вопрос природы системы, ее материальности или духовности, динамичности или статичности. При исследовании языковой системы с позиции свойства эмерджентности, эти вопросы приобретают особую актуальность. Если рассматривать языковую систему как абстрактную систему, возможно ли проявление эмерджентности в языковой системе в целом, ведь эмерджентным принято считать свойство, возникающее как конечный результат соединения всех компонентов в единое целое, т. е. свойство присущее только сформировавшейся системе [2, с. 1797–1800]. Можно ли считать язык окончательно сформировавшейся, или устойчивой, статичной системой? В. фон Гумбольдт считал, что по своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее. По Гумбольдту, «язык – это не продукт деятельности (*ergon*), а деятельность (*energeia*). Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикуляционный звук пригодным для выражения мысли» [3, с. 69].

Если исходить из данного определения, получается, что язык все-таки в большей степени является динамичной системой. Динамичность языковой системы наблюдается в истории развития языка, которое не проявляется ступенчато, рывками, а происходит медленно и постепенно, незаметно для носителя языка. В частности, в системе чеченского языка последним атрибутом такого развития является появление в конце XIX в. в фонетике языка фонемы [f] и активное ее внедрение, особенно после 60-х гг. XX в. В исконной фонетической системе чеченского языка нет фонемы [f], равно как и лексических единиц с этой фонемой. Внедрение данной фонемы в фонетическую систему чеченского языка явилось результатом заимствования сначала арабской лексики (*фарз*, *фатихат*, *Фатима* и т.д.), затем русской и иной иноязычной лексики через посредство русского языка (*телефон*, *фонарь*, *ферма* и т.д.). При этом надо отметить, что очень долго, до 90-х гг. XX в. многие носители чеченского языка предпочитали на месте **ф** произносить другие звуки, артикуляционно близкие к **ф**: так в свое время появились в чеченском языке *хГургуон* (*фургон*), *шарп* (*шарф*), *хуорма* (*форма*), *хурашка* (*фуражка*), *эпсар* (*офицер*), *тилпуо* (*телефон*), *кухта* (*кофта*). Как отмечал А. Г. Мациев, «сложившаяся века артикуляция звуков затрудняет чеченцу произношение звука **ф**» и «наиболее продуктивными заменителями этой фонемы были привычные для артикуляции чеченцев звуки **п**, **х**, **хI**» [161. 103], которыми и заменялся **ф** не только в русских или иных словах (европейских по происхождению), но даже часто и в арабских, которые произносились на чеченский манер (*перз* ← *фарз*, *патихат* ← *фатихъат*, *Летмат* ← *Фатима*). Но так продолжалось до тех пор, пока среди чеченцев было мало владеющих русским языком, а свободно владеющие исчислялись единицами. Ситуация начала меняться еще с начала второй половины

прошлого века и сильно изменилась к его концу. Сегодня для чеченцев, подавляющее большинство которых владеет русским языком и владеет при этом свободно, произношение звука **ф** не представляет никакой сложности. С другой стороны, с 90-х годов XX в. в чеченский язык хлынул поток заимствований из английского языка (и через посредство русского языка, и уже без этого посредства) и арабского языка, и чеченцы даже не пытаются заменить **ф** каким-то их приведенных звуков, в полном соответствии с их произношением в языке-источнике или с нормами русского языка произносятся *офис, файл, шеф, Фейсбук, фирма, кофе* и др. В результате буква **ф**, которая была введена в чеченский кириллический алфавит в год его создания (1938 г.), стала уже не чужеродным элементом в графической системе чеченского языка, в чеченской языковой системе произошел динамичный сдвиг к увеличению фонетической и графической базы. Результатом данных изменений стал качественный новый потенциал, возможность, эмерджентность языковой системы чеченского языка. Языковая система чеченского языка претерпела качественное изменение: буква, введение которой долгое время не имело подтверждения в фонетической системе чеченского языка, стала полноценным элементом языковой системы на фонетическом и на графическом уровне, в результате адаптации артикулярного аппарата, которая позволила точно выразить фонетику заимствованных слов. Все эти качественные изменения привели к эмерджентности языковой системы чеченского языка, специфика которой заключается в наличии в языковой системе нового элемента [4, с. 109–116].

Каждый современный язык хранит в своей системе лингвистические пласты различных исторических эпох. Языковед, рассматривая динамические процессы разной исторической эпохи в системе современного языка, может предоставить нам картину исторического пути развития данного языка, и даже тот период, когда язык еще не существовал самостоятельно, а входил в другие группы. Пристальное изучение любого восточнославянского языка обнаруживает в нем распространение свойственных старославянскому языку южнославянских особенностей, приобретение которых оказало достаточно сильное влияние на строй соответствующих восточнославянских языков, изменило систему, в которой старославянизмы во многих случаях стали сосуществовать, но старославянизмы с неполногласием приобрели иные семантические или семантико-стилистические признаки. Некоторые старославянские языковые атрибуты сохранились до настоящего времени в русском языке. Например, едва ли не каждому исконно русскому слову с полногласием в системе русской лексики можно подобрать ряд однокоренных слов со старославянским неполногласием, широко распространенных не только в книжном, но и в разговорном языке, не только в литературном, но и в просторечии: полногласие - *оро-* и неполногласие -*ра-*: *город, поворот, ворота, оборот – град, отвратительный, возврат, вратарь; хоронить – охранять, сохранение, предохранять; короткий – краткий, сокращать, прекращать; дорогой – драгоценность, порох-прах;*

полногласие -*ере-* и неполногласие -*ре-*: *берег – прибрежный, опередить – предпосылка;*

полногласие *-оло-* и неполногласие *-ла-*: *волокита, проволочка, – облако;*

полногласие *-ело-* и неполногласие *-ле-*: *ошеломить – шлем.*

Старославянской фонетической чертой, сохранившейся в русском языке до наших дней, является чередование согласных *ǰ – жд* в старославянском языке при чередовании *ǰ – ж* в русском языке. Например: *опережать, омоложение, захаживать* – слова русского происхождения. Слова старославянского происхождения – *предупреждать, охлаждать, хож-дение.*

Наличие звука *щ* на месте общеславянских сочетаний звуков *гт, кт* в положении перед гласными переднего ряда также является старославянской фонетической чертой. Например: *мощь – могти, помощь – помогти.*

Старославянским инфинитивам *мощи, помощи, стрищи, тещи* противопоставляются русские инфинитивы *мочь, помочь, стричь, течь.*

Старославянской чертой в русском языке следует считать сохранение звука *ц* в основе существительных на *-ия, -ий* и *-ие*: *Мария* (при рус. *Марья*), *братия* (рус. *братья*).

Произнесение *ѣ* под ударением в позиции перед твердым согласным звуком также является старославянской фонетической чертой: *пѣрст, крѣст, нѣбо.*

Характерной особенностью русского языка является произношение звука *э* как *ѣ* перед ударением на конце слова и внутри слов перед твердым согласным: *грабѣж, утѣс, полѣт, идѣт* и т.п.

В русском языке, как и в других восточно-славянских языках, страдательные причастия прошедшего времени и образованные от них существительные с основой инфинитива на корневые *ы* и *и* (открыть, забить и т.п.) имеют суффикс *-т-*.

В старославянском же языке подобные формы образовывались с помощью суффикса *-ен-*, поэтому старославянизмами следует считать встречающиеся в русском языке слова типа: *убиение, умиление, откровение, повинование, забвение*, а также прилагательные, образованные от этих слов: *убиенный, умиленный, откровенный, незабвенный* и т.д. [5, 6].

Приведенные примеры, как и другие факты широкого развития в древнерусском языке старославянской черт, свидетельствуют, что эмерджентность языковой системы является результатом эмерджентности системных единиц данного языка, т.е. языковая система претерпевает изменения только после того, как эти изменения становятся устойчивым атрибутом на уровне системных единиц языка. Примером одного из последних изменений и проявления эмерджентности на уровне словообразования можно представить заметную активность иностранного суффикса *абел // -ибел-* (*able*) в исконно русских

словах (*читать – читабельный, смотреть – смотрибельный* и т.д.). Приведенные примеры показывают не просто синергетические процессы, происходящие внутри одной языковой системы, а эффект смешения единиц разных языковых систем. Л. В. Щерба отмечал в этой связи, что «смешение языковых систем лежит в основе эволюции языков; процессы смешения происходят не только между разными языками, но и между разными групповыми языками внутри одного языка; процессы эти являются кардинальным и постоянными в жизни языков» [7, с. 73].

Представление И. Буслаева о системной организации языка вполне коррелируется гипотезой эмерджентности языковой системы. Он, в частности, отмечал, что «построение языка от отдельного звука до предложения и сочетания предложений представляет нам живую связь отдельных членов, дополняющих друг друга и образующих одно целое, которое в свою очередь дает смысл и значение каждому из этих членов. Такое взаимное отношение в речи между частями и целым именуется организмом языка» [8, с. 22].

Свойство эмерджентности языковой системы не является каким-то абстрактным, не поддающимся схематическому обозначению феноменом. Хотя каждая из единиц языковой системы обладает специфичным, присущим только ей свойством эмерджентности, можно обозначить инвариантную схему эмерджентных свойств языковой системы [9].

Динамические изменения, происходящие в языке, прогнозируют не просто обогащение единиц языковой системы, они также влияют на конструкт языка, в результате чего и проявляется эмерджентность языковой системы в целом [10, с. 8–11]. В этом контексте представляется актуальным мнение В. А. Гречко, который отмечает, что «общее – это организующая сторона отдельного, органически вплетенная, проникающая в единичное, индивидуальное, прорастающая в нем. Общее входит в содержание отдельного как его структурная, строевая часть, и, будучи таковой, она представляет собой элемент формы этого содержания» [11, с. 31].

Соответственно, эмерджентность языковой системы как фактор статистики системного состояния языка, его «постоянное» проявляется, прежде всего, в единицах языковой системы и фиксируется в речи, т.е., как отмечал Л. В. Щерба, речевая деятельность, являясь в то же время и языковым материалом, несет в себе и изменение языковой системы в целом [7, с. 33].

Эмерджентность как свойство языковой системы не проявляется в самом процессе. Эмерджентность как свойство является *итогом* процесса, его *результатом*. Поэтому наиболее наглядно проявление эмерджентности можно наблюдать в системных единицах языка, начиная от фонемы и заканчивая текстом, когда происходит синтез абстрактного (мысли) и материального (звук, знак).

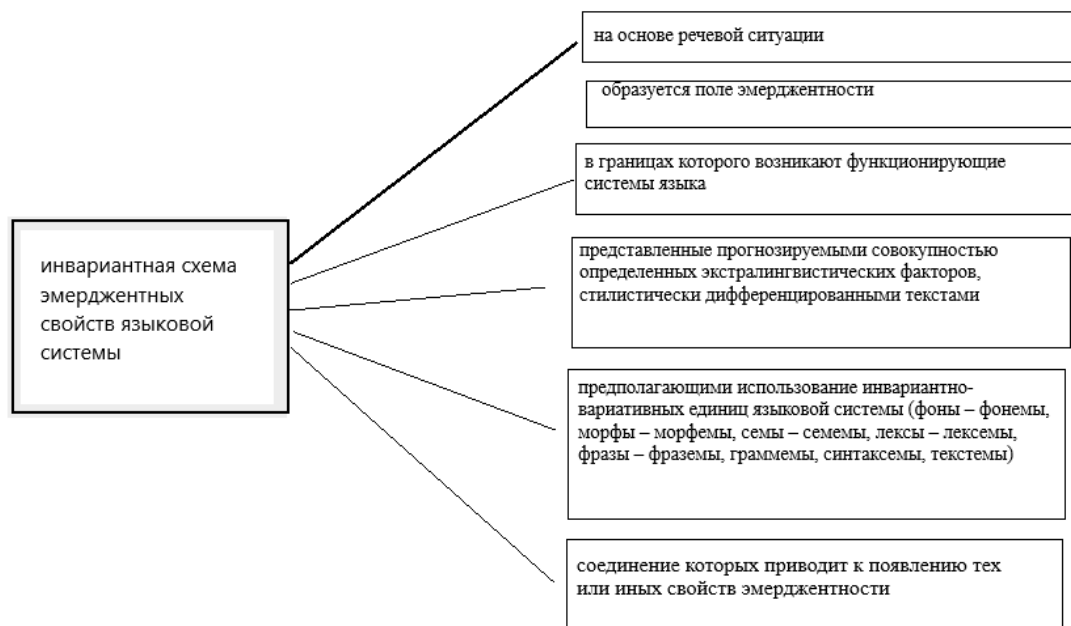

Рис. 1. Инвариантная схема эмерджентных свойств языковой системы.

Специфичность эмерджентности языковой системы во многом зависит от эмерджентности системных единиц языка. Язык является многокомпонентной системой, в которой взаимодействие данных компонентов приводит к становлению определенной структурной единицы, призванной вербально отразить, обозначить или планировать объективную реальность, идею, эмоциональное состояние. С точки зрения эмерджентности языковой системы каждый из компонентов языковой системы имеет важную значимость в аспекте самодостаточности отражения обозначенных выше объективной реальности, идеи или эмоционального состояния в текстовой единице.

В свете сказанного можно предположить, что языковая система – это некий симбиоз идеи и материи, поэтому рассматривать язык только через призму инстинктуальных явлений, на наш взгляд, чревато угрозой искажения истины. Соответственно, на современном этапе развития науки наблюдается тенденция всестороннего расширения и пересечения границ областей исследования. Фактор расширения границ и взаимопроникновения одних сфер науки в области совершенно «чужого» поля способствует иррациональному подходу в процессе исследования как линейных, так и абстрактных систем. Это делает возможным обобщение научной истины, которая, в той или иной степени, всегда становится результатом научных достижений в различных областях.

Литература

1. Альбеков Н. Н. «Системность как условие проявления свойства эмерджентности» // Вестник академии наук чеченской республики. №2 (57), 2022 С. 102–108.

2. Альбеков Н. Н., Жеребило Т. В. Поле эмерджентности как единица языковой системы // Фундаментальные исследования, 2015. №2 (часть 8). С. 1797–1800.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
4. Альбеков Н. Н. Халидов А. И. «Эмерджентные изменения в языковой системе чеченского языка в результате упорядочения орфографических норм» // Вестник академии наук чеченской республики. №2 (57), 2022 С. 109–116.
5. Игнатенго С. А., Харламова М. А. «Лексика с полногласными/неполногласными сочетаниями в старожильческих говорах. Среднего Прииртышья (на примере слов с праславянской основой *gord)». http://www.univer.omsk.su/trudy/fil_ezh/n2/harlamova.html
6. «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» / Под ред. В. В. Палагиной. Томск, 1967. Т. 3.
7. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.
8. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
9. Альбеков Н. Н. «Эмерджентность как объект современной науки» // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №2; URL: <http://www.science-education.ru/122-21089>.
10. Альбеков Н. Н. Поле эмерджентности как модель прогнозирования текста // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. №11 (53). Часть 2. С. 8–11.
11. Гречко В. А. Теория языкознания: М.: Высш. шк., 2003. 375 с.

The attribute of emergence as a result of modifications of the units of the language system

N. N. Albekov

Chechen State Pedagogical University

62 Kh. Isaeva Avenue, 364068 Grozny, Chechen Republic, Russia.

Kadyrov Chechen State University

32 A. Sheripova Street, 364024 Grozny, Chechen Republic, Russia.

Email: alibecus@mail.ru

The article deals with the question of the attribute of emergence as a result of changes in structural units at different levels of the language system. It is noted that the dynamic processes that occur in the language system affect the language construct. The result of these processes are changes or a qualitative effect, manifested

in the emergence attribute of the language system as a whole. The article provides some examples, which indicate that the language system undergoes changes only after these changes become a stable feature at the level of system units of the language. The dynamic changes taking place in the language predict not only the enrichment of the units of the language system, they also affect the construct of the language, as a result of which the emergence of the language system as a whole is manifested.

Keywords: language system, emergence.